

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ГЕОПОЛИТИКИ

УДК 327

DOI: 10.37468/2307-1400-2020-3-22-29

ХЛОПОВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА И ОСЛАБЛЕНИЯ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ функционирования системы евроатлантической безопасности в XXI веке, которая оказалась в состоянии кризиса, состоящего из возврата к соперничеству за сферы влияния и приостановления сотрудничества. Рассматривая перераспределение силы в международном порядке, автор отмечает постепенное ослабление Запада, усиление международной позиции России, и ухудшение чувства безопасности в странах Центральной Европы. На основе концепции неореализма делаются выводы о дальнейшем ослаблении системы евроатлантической безопасности и растущей анархии мировой безопасности. Автор указывает на необходимость введения новых институциональных механизмов и расширении сотрудничества, чтобы остановить эти негативные тенденции.

Ключевые слова: евроатлантическая безопасность, международные отношения, баланс сил, Россия, США, ОБСЕ, НАТО.

KHLOPOV O. A.

THE CAUSES OF CRISIS AND WEAKENING OF THE EURO-ATLANTIC SECURITY SYSTEM IN THE XXI CENTURY

ABSTRACT

The article presents an analysis of the functioning of the Euro-Atlantic security system in the 21st century, which found itself in a state of crisis, consisting of a return to rivalry for spheres of influence and the suspension of cooperation. Considering the redistribution of power in the international order, the author notes the gradual weakening of the West, the strengthening of Russia's international position, and the deteriorating sense of security in Central Europe. On the basis of the concept of neorealism, conclusions are drawn about the further weakening of the Euro-Atlantic security system and the growing anarchy of world security. The author points out to the need to introduce new institutional mechanisms and expand cooperation in order to stop these negative trends.

Keywords: Euro-Atlantic security, international relations, balance of power, Russia, USA, OSCE, NATO.

На рубеже 1980-1990-х гг. коммунистические системы Центральной и Восточной Европа рухнули, Германия объединилась, ОВД распустился, а СССР распался. Разделение Европы в период «холодной войны» на два политических и военных блока было преодолено, и казалось, что начал формироваться новый международный порядок.

В результате евроатлантическая система безопасности, возникшая с созданием НАТО в 1949 г., и которая сохранилась, должна была заменить предыдущее разделение мира на Восток и Запад, основанное на балансе силы, в котором был одновременно и баланс страха. Оба блока были иерархическими, и гегемонистские лидеры США и

СССР, которые определили функционирование блоков, и участники системы Восток-Запад вели себя аналогично. Страны и их союзники, НАТО и Варшавский договор, действовали, чтобы поддерживать и наращивать свою мощь, ожидая подобной реакции от своих противников, в соответствии с теорией политического реализма. Их политика содержала «дилемму безопасности», которая была описана в работах американских исследователей в середине XX-го века: увеличение государством собственного потенциала и возможностей заставляет его противников и соперников чувствовать растущее чувство угрозы, приводящее к их уравнивающим действиям, которые могут даже привести к войне [1].

Эта политика привела к гонке вооружений, в результате чего было достигнуто равновесие, но на более высоком и более дорогом уровне. До середины 1980-х гг. страны обоих блоков увеличили свои расходы на вооружение. Темпы расходов сократились, когда новый лидер СССР Михаил Горбачев, объявил политику перестройки и смену парадигмы внешней политики, заключавшейся в поиске соглашения с Западом.

После «холодной войны» Восточный блок прекратил свое существование, а Центрально-Европейские страны, которые до этого были под влиянием СССР, взяли курс на сотрудничество и интеграцию с Западом. В 1990-х гг. западные страны начали расширять свои многосторонние и интеграционные институты в демократизирующие страны Центральной Европы, а также формироваться новая система безопасности, представлявшая собой применение на практике либерального видения будущего мирового порядка на основе демократических ценностей и норм, преобладающих в западном мире. Однако не было создано организации коллективной безопасности, как это произошло после Первой и Второй мировых войн, и институциональной основой новой системы безопасности стали многосторонние структуры Запада, которые при принятии новых стран-членов должны были «расширить сферу стабильности, демократии, процветания и безопасности».

Таким образом, в евроатлантическом регионе степень обеспечения безопасности была асимметричной: выше для Запада и все слабее в восточном направлении. В институциональном смысле сегодня она основана на НАТО и Европейском Союзе. Страны этого расширенного сообщества безопасности приняли общую политику в отношении остальной Европы. Отношения между сообществом европейской безопасности и странами, которые оказались за пределами его границы, стали напоминать модель периферии центра [2].

Такая ситуация сложилась благодаря тому, что, во-первых, западные страны согласились расширить свои международные структуры в демократизирующих странах Центральной Европы, в то время как Россия и другие постсоветские страны не получили гарантий безопасности от Запада. Во-вторых, Россия была слаба и решала серьезные социально-экономические проблемы, возникшие в ходе преобразования своей политической и экономической системы, она была вынуждена согласиться на асимметричное сотрудничество с Западом, оставаясь в основном за пределами западного сообщества безопасности.

С другой стороны, некоторые постсоветские страны, не указывая на желание присоединиться к западным структурам, тем более что Запад не делал им конкретных предложений. Первое расширение НАТО в 1999 г. до трех стран Центральной Европы (Польша, Чешская Республика и Венгрия) привело к возражениям со стороны России, которая рассмотрела это расширение в традиционных политических и военных категориях как «подход» Запада к границам России. Когда в 2004 г. произошло очередное расширение НАТО на целых семь стран, в том числе три бывшие республики СССР – Литва, Латвия и Эстония, а затем ЕС расширился до восьми стран Центральной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Литва, Латвия, и Эстония), Россия убедилась, что Запад занимается геополитической экспансией в сторону российской границы. Кроме того, Москва выступила против «экспорта» демократии в форме «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии в 2003–2005 гг.

Все это привело к тому, в 2007 г. на 43-й Мюнхенской конференции по политике безопасности Президент России В. Путин обвинил США и Запад в целом в расширении своего влияния и поиске мирового господства, нарушения международного права, милитаризации международных отношений и объявили, что Россия будет сопротивляться таким шагам [3].

Стало ясно, что система евроатлантической безопасности столкнется с конфликтом интересов, который начал развиваться от сотрудничества к соперничеству, что привело к кризису, который проявился во время украинских событий, начавшихся с осени 2013 г.

Расхождение интересов и соперничество в сферах влияния между Россией и Западом. Развитие евроатлантической системы безопасности в XXI веке явно указывает на растущее расхождение интересов среди государств. В соответствии с принципами реалистической парадигмы, государства в реализации своей внешней политики преследуют следующие цели: а) обеспечение безопасности в международных отношениях; б) содействие усилиям общества и государства в интересах развития страны и усилению ее позиций в международных отношениях; в) повышение престижа государства на международной арене; и г) формирование и оптимизация правил, по которым функционирует система международных отношений [4]. В этом смысле безопасность является высшей целью в иерархии целей внешней политики государств, но государства достигают этой цели по-разному.

Международная безопасность в евроатлантической системе в XXI в. подвержена изменениям. Факторами этой изменчивости являются, во-первых, меняющиеся угрозы безопасности государств и международной безопасности. Среди угроз, которые консолидируют евроатлантическую систему безопасности, – терроризм и распространение ядерного оружия. Более того, возросший приток нелегальных иммигрантов в ЕС не оказал положительного влияния на международное сотрудничество этих стран. Перераспределение расстановки сил, изменение международного порядка и появ-

ление новых держав не побуждают западные государства к гармоничной конкуренции с ними. Напротив, Запад перешел к согласованной политике сдерживания великодержавных амбиций России и тем самым косвенно укрепил стратегическое сотрудничество России с Китаем и Индией. Это своего рода парадокс, поскольку сегодня Россия культурно и политически ближе к США и их европейским союзникам, чем к азиатскому и коммунистическому Китаю.

Для анализа евроатлантической системы безопасности целесообразно принять неоклассическую предпосылку школы политического реализма о том, что государства, проводя свою внешнюю политику, исходят из собственных интересов в зависимости от своей позиции в международной системе, с учетом внутренних (внутриполитических) предпочтений правящей элиты и общества. Это позволяет утверждать, что на международной арене государства проводят стратегию продвижения и поддержки своего типа режимов (политических систем) [5].

Вторая группа факторов, влияющих на развитие безопасности в евроатлантическом регионе, – это внешняя политика его участников. Стремясь продвигать режимы, выгодные для них самих, государства (Запад, особенно ЕС) также стремятся к достижению других целей, помимо безопасности, или трактуя безопасность в более широком смысле, связывая ее с развитием демократии и рыночной экономики. Россия, с другой стороны, придерживается традиционного реалистического взгляда, который сводит ее безопасность к политическим и военным аспектам.

Со времени «оранжевой революции» на Украине у Запада и России рельефно обозначились различные взгляды на продвижение своей внешней политики. ЕС сконцентрировался на содействии развитию демократии на Украине, в то время как Россия проводила игру с нулевой суммой, направленную на сохранение украинского режима, который был относительно дружественным и явно не русофобским для нее.

Важнейшим фактором изменчивости евроатлантической безопасности является продвижение

демократии западными государствами и институтами в бывших коммунистических государствах, то есть на Балканах и на постсоветском пространстве. Россия обеспокоена этими действиями в отношении своих западных и южных соседей и пытается противодействовать им, считая, что Запад стремится изменить внешнеполитическую ориентацию этих государств на прозападную. Споры 2003–2005 гг. по поводу «цветных революций» в постсоветских государствах и попытки приблизить Украину к Западу с 2013 г. привели к сильному российскому противодействию [6].

Важным обстоятельством является то, что попытки Запада продвигать демократии в постсоветских республиках не встречают там решительной продемократической позиции. Демократические силы в этих странах не составляют большинство общества; их поддержка верховенства закона, уважение прав человека и внедрение рыночной экономики не являются убедительными аргументами для обществ, которые никогда не знали демократической системы.

Сопутствующие попытки рыночных реформ также не принесли быстрых результатов в виде роста уровня жизни в тех обществах, которые привыкли к условиям плановой и распределительной экономики. Рыночные реформы чаще всего связаны с высокими социальными издержками, ростом бедности, с одной стороны, и обогащением небольшого числа людей, с другой. Приватизация экономики, коррупция и организованная экономическая преступность негативно повлияли на социальную поддержку рыночных реформ, рекомендованных Западом. У старшего населения это вызывает ностальгию по СССР, а среди молодого поколения – чувство неверия в позитивные преобразования и, в некоторых случаях, даже иллюзию того, что будет возможно восстановить отношения с Россией.

Россия со своей стороны настроена на экономическую интеграцию в рамках Евразийского Союза и предлагает концепцию о восстановлении разделенного русского народа – «русский мир», особенно со славянскими обществами.

Запад пытается продвигать либеральную модель цивилизационного развития, но его поддержка неэффективна из-за высоких экономических издержек и неподготовленности общества,

которому предлагается модель. Очевидно, что необходим поиск компромисса с Россией и решения, которое было бы приемлемым для всех сторон, то есть обществ постсоветских стран, включая Россию и Запад. Однако отсутствие общих позиций способствует дальнейшему геополитическому соперничеству между Западом и Россией, а постсоветские общества выступают основным объектом конкуренции и игры.

Отсутствие понимания ведет к возвращению к соперничеству за сферы влияния. Расширение НАТО с середины 1990-х гг. из-за возражений России свидетельствует об этом. Стоит отметить, что явное усиление споров между Западом и Россией произошло после победы «цветных революций» в Грузии (2003 г.) и на Украине (2005 г.), когда возникло намерение в апреле 2008 г. о принятии этих государств в НАТО. В августе того же года началась грузино-российская война. Это означало, что Запад пересек «красную линию» и, что Россия решила защитить свою сферу влияния. Провозглашение ЕС в следующем году Восточного партнерства только дополнило идею о привлечении шести постсоветских республик (Украина, Беларусь, Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан) в клуб западных стран. Поэтому неудивительно, что Россия отказалась участвовать в этой программе. Когда осенью 2013 г. должна была оформляться политическая и экономическая ассоциация между Украиной и ЕС, а в феврале 2014 г. Запад признал фактический государственный переворот в Киеве, то в евроатлантической системе произошел прямой кризис.

В целом восточная политика НАТО и ЕС привела к серьезным ограничениям в их сотрудничестве с Россией: сократилась торговля в связи с санкциями, которые США страны ЕС ввели против России с лета 2014 г., а противодействие России ограничило импорт товаров из западных стран.

Другой причиной ослабления всей системы евроатлантической безопасности – и в то же время результатом ее кризиса – является кризис ЕС как интеграционного проекта. Из-за финансовых потрясений в 2008 г. ЕС сузил свою дипломатическую активность как участник международных отношений и участник политики безопасности.

Национально ориентированная политика стран-членов, которая подрывает сплоченность ЕС, оказала влияние на эту ситуацию. Кроме того, Россия стремилась к взаимопониманию не с ЕС в целом, а с его отдельными странами-членами, особенно с Германией, Францией и Италией. Не случайно, что ЕС не играл никакой посреднической роли в кризисе на Украине, а мирные переговоры велись в так называемом «нормандском формате», с участием Германии, Франции, России и Украины.

Аналогичным образом, с конца XX века стала очевидной уменьшающаяся роль ОБСЕ как организации ответственной за безопасность и сотрудничество в Европе. Саммит ОБСЕ в Астане в декабре 2010 г. состоялся через 11 лет после предыдущей встречи. К этому времени ОБСЕ уже была ослаблена, когда НАТО заняла лидирующее положение в системе евроатлантической безопасности, но она не потеряла полностью свою полезность, поскольку на нее была возложен контроль за переговоры в Минске, направленные на прекращение вооруженного конфликта на востоке Украины.

Однако НАТО, с самого начала не рассматривала ОБСЕ в качестве главной структуры, которая должна заниматься проблемами безопасности на континенте. Вот почему, стремясь оттеснить Организацию на обочину в решении проблем европейской безопасности, НАТО рассчитывает превратиться в монополиста в этой сфере. [7].

В XXI веке мы наблюдаем перераспределение власти в системе евроатлантической безопасности. В начале нулевых основные акторы этой системы развивались без экономических помех. В США такой рост был основан на использовании новых технологий и высокой производительности труда; ЕС наслаждался положительными эффектами расширения общего рынка (в 2004 г. почти до 500 млн. потребителей). Россия извлекала выгоду из высокого спроса на свои сырьевые энергетические ресурсы – нефть и природный газ, в добыче которых она была одним из мировых лидеров.

Тем не менее, осенью 2008 г. растущий разрыв финансового мира с реальной экономикой привел к мировому финансовому кризису, за кото-

рым последовал трехлетний экономический спад. Эти негативные явления были отражены в военных бюджетах стран НАТО, и по этой причине, в частности, общая политика безопасности и обороны вступила в стагнацию. Весь Запад оказался ослабленным в результате кризиса, а экономика России сохранила свои относительные позиции.

Другим важным элементом перераспределения власти было ослабление сплоченности и активности обеих западных структур. После расширения в 2004 г. НАТО состояло из 26 стран, а в последующие годы в него стало входить 29 членов. Хотя решения на форуме Североатлантического совета были приняты единогласно, все же было очевидно, что по наиболее важным международным вопросам были расхождения во мнениях. Когда США вступили в войну в Афганистане в 2001 г, они пригласили только отобранных союзников для участия в своих военных операциях.

Военная интервенция США в Ирак в 2003 г. вызвало серьезные оговорки со стороны Франции, Германии и Бельгии. Кроме того, США выбрали только три страны для вступления в коалицию: Великобритания, Польша и Австралия, не входящая в НАТО. Сплоченности организации также угрожала идея, исходившая от администрации президента Джорджа Буша-младшего, о создании противоракетного щита в Польше и Чешской Республике.

На саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г., несмотря на нежелание западноевропейских союзников (Германии и Франции), США и Польша настаивали на том, чтобы в окончательную декларацию было включено заявление о том, что Грузия и Украина будут приняты в НАТО. Это упоминание было сделано, хотя ни одной стране не был предложен План действий по членству. Слабость НАТО также подтверждается тем фактом, что во время грузино-российской войны НАТО не предпринимала никаких действий, чтобы удержать Россию от ее военного ответа на нападение грузинской армии на миротворческие силы СНГ в Южной Осетии.

С 2008 г. ЕС проявляет слабость и отсутствие внутренней сплоченности как субъект политики безопасности [8]. Это подтверждается также

неспособностью ЕС создать гуманитарную миссию в Ливии в 2011 г. Военная операция (Unified Protector) в этой стране проводилась в основном Францией и Великобританией под эгидой НАТО при значительном участии США, но без участия большинства союзников по НАТО. Только военная помощь России весной 2014 г. в конфликте на востоке Украины склонила НАТО к усилению внутренней сплоченности, укреплению восточного фланга и увеличению расходов на оборону. ЕС, однако, оставался внутренне отключенным.

Россия, со своей стороны, начала осуществлять стратегию «восстановления», призванную обеспечить быстрое возвращение к статусу великой державы: систематически укрепляя свою международную позицию и усиливая дипломатическую активность [9]. В 2006 г. президент В. Путин инициировал встречи группы, которая впоследствии станет группой БРИКС. Ранее, 16 июля 2001 г., президент Российской Федерации и президент Китайской Народной Республики подписали Договор о добрососедстве и дружественном сотрудничестве между своими странами. В 2004 г. России удалось в основном разрешить свои трудности в отношениях с Китаем, а затем установить стратегическое партнерство с этой развивающейся державой, а также с Индией, еще одной развивающейся державой. Россия также активно участвует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая позволяет координировать китайско-российские интересы в Центральной Азии и развивать военное сотрудничество в рамках всей Организации [10].

До начала кризиса в Украине страны Центральной Европы, граничащие с Россией, становились все более обеспокоенными своей безопасностью. Это было вызвано растущей силой России, включая ее военный потенциал и ее переход к политике сдерживания в отношении влияния НАТО и США в Восточной Европе.

Предложение администрации США в 2006 г. Польше и Чехии построить американский противоракетный щит в этих странах ускорило гонку вооружений с Россией. В ответ Россия приостановила выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) с декабря 2007 г.

Дискуссии о разрешении ситуации и возможной модернизации, и обновлении договора не дали никаких результатов. В конце концов, в ноябре 2011 г. все государства-члены НАТО, подписавшие Договор об ОВСЕ, сообщили России, что они «приостановили» дальнейшее осуществление Договора в отношении России. 11 марта 2015 г. Москва приняла решение приостановить свое участие в Совместной консультативной группе, занимающейся реализацией ДОВСЕ. Россия вообще не денонсировала договор, формально говоря, остается его участником, но не предпринимаются действия, вытекающие из договора. Милитаризация отношений между НАТО и Россией в последние годы привела к решительному ухудшению безопасности в регионе.

Как это ни парадоксально, евроатлантическая система безопасности становилась все более непоследовательной и ослабленной конкуренцией за сферы влияния между Западом и Россией. От политического и экономического соперничества стороны перешли к военному соперничеству. Это, несомненно, свидетельствует о том, что система региональной безопасности вместо укрепления породила новые угрозы традиционного типа, связанные с опасностью применения военной силы [11]. В основе этой ситуации лежит конфликт интересов, который привел к соперничеству за сферы влияния на постсоветском пространстве. Все это привело к тому, что сегодня в евроатлантическом регионе сложилась асимметричная и несбалансированная система безопасности. В ее основе – существенный разрыв в потенциалах между Россией и НАТО [12].

Указывая на геополитическое соперничество в евроатлантическом регионе между Западом и Россией, его следует рассматривать в более широком глобальном контексте [13].

Вот несколько хорошо известных примеров: Китай предъявляет агрессивные требования в отношении своих приграничных оффшорных вод; Индия дипломатически поддерживает усилия России по пересмотру международного порядка; Иран пытается использовать свой союз с Сирией и Хезболлой, чтобы доминировать на Ближнем

Востоке; Турция усиливает свою региональную политику по всем направлениям; Россия, Турция и Иран стали участвовать в попытках завершить гражданскую войну в Сирии; в июне 2003 года три крупные многокультурные и многорасовые страны – Индия, Бразилия и ЮАР – организовали Форум диалога (IBSA) для содействия сотрудничеству Юг-Юг и достижения консенсуса по вопросам международного значения; Бразилия и ЮАР поддерживают друг друга и соперничают с Западом в разрешении конфликтов и миростроительстве [14].

По оценкам многих аналитиков происходящее является «глобальным дрейфом», который приведет к состоянию международного беспорядка. Эволюция евроатлантической системы безопасности в XXI в. свидетельствует о ее неэффективности. Растущее расхождение интересов среди его участников привело к соперничеству в сферах влияния и разрыву общих связей сотрудничества. Следовательно, уровень безопасности в евроатлантическом регионе снизился, а позиции Запада ослабли. Кроме того, важность всей системы евроатлантической безопасности в глобальном международном порядке снизилась. Единственный положительный аспект состоит в том, что этот, «беспорядочный мир» должен заставить лидеров Запада осознать, что они должны научиться управлять кризисными вопросами, установить приоритеты в дипломатических отношениях с могущественными государствами, включая Россию и Китай [15].

Из анализа функционирования евроатлантической системы безопасности в XXI веке можно сделать вывод, что эта система составляет ядро мировой системы безопасности. Эволюция системы ограничила сотрудничество между Западом и Россией и привела к ее замене соперничеством великих держав за сферы влияния и кризису в Украине. Следовательно, уровень безопасности в евроатлантическом регионе упал и, следовательно, снизилось значение всей системы евроатлантической безопасности в глобальном международном порядке. Мировой центр тяжести перемещается в Азию, и сегодня Китай и Индия вместе с ШОС входят в число ведущих международных игроков. Их стратегическое партнерство

с Россией меняет геополитическую карту мира. Эти изменения ускоряют быстро растущую важность других новых держав.

Одним из способов обеспечения долгосрочной безопасности европейских государств является создание всеохватывающего, неделимого, сообщества евроатлантической безопасности без барьеров, в котором все ожидают разрешение споров исключительно дипломатическими, юридическими или иными ненасильственными средствами без использования военной. Правительства в рамках этого сообщества должны иметь общую стратегию и бороться с вызовами и угрозами, как внутренними, так и внешними на основе сотрудничества. В рамках этого процесса должна быть обеспечена безопасность Украины, Грузии, Молдовы и других государств. Проблемы евроатлантической безопасности могут быть решены только совместными усилиями.

Список литературы

1. Herz J. H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. – 1950. – № 2(2). – pp. 157–180.
2. Cottey A. *Security in 21st Century Europe*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
3. Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 10.07.2020).
4. Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // *Вестник РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения»*. – 2019. – № 1. – С.45-57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/pmorv/PMO/pmo_1_2019.pdf#page=45 (19.07.2020).
5. Sweller M.F., Eds. *Progress in International Relations Theory Appraising the Field* (pp. 311–348). – Cambridge: MIT Press, 2003.
6. Smith N. R. *The EU and Russia's Conflicting Regime Preferences in Ukraine: Assessing Regime Pro-*

motion Strategies in the Scope of the Ukraine Crisis // European Security. – 2015. – № 24(4). – pp. 525–540.

7. *Белобров Ю.* НАТО и ОБСЕ – партнеры или соперники? // Международная жизнь. – 2018. – № 10. – с. 14–26.

8. *Гаджиев К.* Приоритеты и изъяны одного великого проекта // Международная жизнь. – 2017. – № 3. – с. 65–80.

9. *Торкунов А.* Великая евразийская держава в потоке перемен // Международные процессы. – 2018. – Т.16. – № 1 (52). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intertrends.ru/rubrics/realnost/journals/strategii-miroupravleniya/articles/velikaya-evraziyskaya-derzhava-v-potoke-peremen> (дата обращения 10.07.2020).

10. *Бордачев Т.* Новое евразийство // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/novoe-evrazijstvo/> (дата обращения 08.07.2020).

11. *Sakwa R.* Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis in World Order. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

12. *Тимофеев И.* Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы // Российский совет по международным делам 21 августа 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/formula-evroatlanticheskoy-bezopasnosti-stabilnoe-sderzhivanie-i-ego-alternativy/> (дата обращения 10.07.2020).

13. *Mead W. R.* The return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist powers // Foreign Affairs. – 2014. – № 93. – pp.69–79.

14. *Klieman A.* Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. – Heidelberg: Springer, 2015.

15. *Crocker Ch. A.* The Strategic Dilemma of a World Ddrift // Survival. – 2015. – Т. 57. – № 1. – pp. 7–30.

Статья поступила в редакцию 12 июля 2020 г.

Принята к публикации 20 сентября 2020 г.

Ссылка для цитирования: Хлопов О.А. Причины кризиса и ослабления евроатлантической системы безопасности в XXI веке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 3(31). С. 22–29. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-22-29>